

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-38-48

**ПРОШЛОЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДЛЯ ВООБРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО:
НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VIII СОЗЫВА**

А. В. Курбатов

Курбатов Андрей Владимирович, аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: avkurbatov@hse.ru (ORCID: 0009-0001-1211-1854. ResearcherID: JMP-4901-2023).

Аннотация

Будущее представляет собой неотъемлемую и стратегически важную составляющую публичной политической коммуникации. Вместе с тем попытки представления будущего сталкиваются с проблемой его фундаментальной неопределенности, степень которой увеличивается в контексте специальной военной операции. Тем не менее даже в таких условиях политики вынуждены говорить о будущем. Анализируя презентации образов будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы, автор выявляет возможности и ограничения использования событий прошлого в качестве символического ресурса, используемого для конструирования образов будущего. Источником эмпирических данных для исследования являются стенограммы пленарных заседаний Государственной Думы VIII созыва со 2-й по 7-ю сессии. Автор анализирует данные при помощи качественного контент-анализа, а также смыслового анализа высказываний, отмечая дискурсивные стратегии использования прошлого для воображения будущего. В исследовании делается вывод о том, что 1990-е годы, советская эпоха и Великая Отечественная война выполняют различные, но взаимодополняющие функции в парламентском дискурсе, выступая в качестве символических ресурсов, используемых для конструирования образов будущего. Отмечается, что практики использования прошлого в дискурсе депутатов идут вразрез с традиционным тематическим репертуаром политики памяти властующих элит в России. Период 1990-х годов в дискурсе депутатов выступает в качестве «наиболее удобного инструмента», используемого для конструирования образов будущего и преодоления его неопределенности в современном контексте.

Ключевые слова: образ будущего; символическая политика; политическое использование прошлого; политическое конструирование будущего; Государственная Дума; дискурсивные стратегии.

Введение

Будущее представляет собой неотъемлемую и стратегически важную составляющую публичной политической коммуникации. Еще П. Бурдье заключал, что образы будущего в политическом дискурсе играют ключевую роль в формировании стратегий и программ, а также в мобилизации общества на политические действия (Bourdieu, 1998: 82). Вместе с тем попытки представления будущего сталкиваются с проблемой его фундаментальной неопределенности. В отличие от прошлого и настоящего, предмет или событие, описываемое в будущем, нельзя наблюдать или измерять. По справедливому замечанию Е.Б. Шестопала, будущее во многом является продуктом политического дискурса, создаваемого и изменяемого в зависимости от действий политических акторов в настоящем (Шестопал, 2016: 9). В силу специфики своей деятельности политики вынуждены объяснять избирателям свое отношение не только к событиям, происходящим в настоящем, но и к тем, что могут произойти в будущем. Коммуникация по поводу обоснования или оспаривания политического курса подразумевает обсуждение желаемого и/или ожидаемого будущего (Dunmire, 2011: 42). Вполне логично можно заключить, что процесс конструирования будущего относится исследователями к функциональным обязанностям политической элиты государства (Шестопал, 2016: 9). Таким образом, политический дискурс становится важной ареной для формирования ожиданий относительно будущего,

где властующие элиты играют ключевую роль в создании сценариев и стратегий, предлагаемых обществу для преодоления неопределенности.

Одним из способов разрешения обозначенной проблемы, рассматриваемым в настоящей статье, является аргументирование предлагаемых представлений будущего с помощью обращения к опыту, извлекаемому из прошлого. Программы развития, политические реформы часто представляются как часть долгосрочного проекта, требующего сплоченности и усилий со стороны общества. Политики активно используют исторические даты, юбилеи и символические события, чтобы вызывать у общества чувство принадлежности к историческому процессу и мобилизовать его на действия (Малинова, 2012: 182). Отечественные исследователи А.И. Щербинин и Н.Г. Щербинина предлагают представлять процесс политического конструирования в виде моделирования, когда программа или моделирующий образ выступают в качестве символической презентации, формирующей ключевые признаки конструируемой реальности (Щербинин, Щербинина, 2020: 296). При этом предлагаемые образы будущего будут различаться с точки зрения оценки, закладываемой авторами, и в периоде прогнозирования: разные интерпретации одного и того же исторического события могут служить обоснованием для разных, зачастую противоположных, сценариев будущего.

Образ будущего, по сути, является совокупностью коллективно разделяемых конструируемых представлений будущего в сознании индивидов. В таком понимании, как считает Н.Г. Щербинина, образ не содержит произвольных и «чистых» фактов, но всегда включает отобранные, проинтерпретированные и значащие элементы (Щербинина, 2010: 73) и является средством коммуникации, передающим информацию посредством символического обмена (Щербинин, Щербинина, 2020: 286). Т.В. Гаврилюк подчеркивает, что осмысление образа будущего становится возможным благодаря типизации предшествующего опыта и пониманию посредством эмпатии, являющейся фундаментальным свойством интерсубъективного коммуникативного пространства (Гаврилюк, 2016). Образ будущего, таким образом, не обладает автономией и собственной сущностью, отличной от производящего его субъекта, а ситуативно воссоздается когнитивным усилием и чувственным представлением под воздействием внутренних или внешних побуждающих сил.

Государственная Дума (ГД) Федерального Собрания Российской Федерации как высший представительный и законодательный орган государства, формирующийся на выборных началах, представляет собой площадку, совмещающую как институциональные возможности для воплощения проектов будущего, так и дискуссионное поле для их презентации. Как отмечают М.В. Назукина и М.В. Сулимов, ГД РФ представляет исследовательский интерес как площадка для выработки оснований для согласованного консолидированного видения основ будущего развития (Назукина, Сулимов, 2021: 2). Вместе с тем контекст специальной военной операции связывает современные отечественные политические процессы с высокой степенью воспринимаемой обществом неопределенности (Нестик, 2023: 14), связываемой с чувствами тревоги и ожидания относительно будущего. Отдельные исследования также показывают, что в условиях кризисов возрастает поддержка политиков, предлагающих стратегии, которые, по их же словам, способны снизить неопределенность и вернуть стабильность (White, 2019: 14). Тем не менее даже в таких условиях неопределенности, когда общество испытывает повышенную тревогу и потребность в стабильности, депутаты вынуждены говорить о будущем, которое становится необходимым механизмом снижения неопределенности и мобилизации общественной поддержки.

Анализируя презентации образов будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы, мы выявляем возможности и ограничения использования событий прошлого в качестве символического ресурса, используемого для конструирования образов будущего и преодоления его фундаментальной неопределенности, а также фиксируем дискурсивные стратегии использования прошлого в качестве ресурса для воображения будущего.

Методология исследования

Источником эмпирических данных для настоящего исследования выступили стенограммы пленарных заседаний Государственной Думы со 2-й по 7-ю сессии ГД VIII созыва (т.е. начиная с 22 февраля 2022 года и заканчивая декабрем 2024 года). Общее количество стенограмм пленарных заседаний, попавших в указанный исследуемый период, составило 260 ($N = 260$). Выбор границ обусловлен предположением, что в условиях повышенной неопределенности общественных представлений о будущем в данный период.

Автоматизированная обработка представленного в исследовании массива текстовой информации без предварительных приготовлений и «ручной» поиск необходимых фрагментов текста не являются оптимальными исследовательскими стратегиями. Как отмечают в своей работе М.В. Назукина и К.А. Сулимов, подобные исследования необратимо сталкиваются с: а) необходимостью и неудобностью обработки большого объема текстовой информации и при этом учета контекстуальных обстоятельств, в которых разворачивается политический дискурс; б) «проблемой языка» – многозначностью, неполной формализуемостью, стилевым и жанровым своеобразием использования, различия между естественными языками (Назукина, Сулимов, 2021: 3). Поэтому при выборе подхода к работе с данными мы сочетали автоматизированный и «ручной» подходы.

Автоматизированная часть процедуры поиска и обработки данных предусматривала составление запросов, с помощью которых мы осуществляли поиск обращений к будущему. Таким образом, поиск сводился к выделению отдельных словоформ, образующих будущее время в русском языке. Для формирования списка словоформ автором было проведено кодирование способов проектирования будущего на ограниченном количестве стенограмм Государственной Думы из указанного массива. Ввиду того что образование указания на будущее в русском языке происходит разными способами, в список ключевых слов были включены различные части речи: а) глаголы совершенного вида (обладающие свойством изменения по лицам и числам) – простая форма будущего времени (например, создать), при этом глаголы несовершенного вида (не обладающие свойством изменения по лицам и числам) в список ключевых слов не включались (например, работать), так как образование будущего времени в таком случае производится при помощи дополнительного глагола (например, будем работать); при этом также было учтено, что многие глаголы несовершенного вида в русском языке могут иметь однокоренной глагол совершенного вида (например, работать – переработать), образованный при помощи иной словообразовательной морфемы или чередования гласных или согласных букв; б) существительные; в) прилагательные (например, будущий); г) другие части речи, к которым могут быть отнесены наречия (например, необходимо), а также предикативы (например, надо). Отобранные словоформы (ключевые слова) использовались для формирования автоматизированного поискового запроса, который технически проводился при помощи ATLAS.ti (<https://atlasti.com>). Полученный массив данных насчитывал 266 тематически связанных фрагментов, содержащих упоминания событий / периодов прошлого и образов будущего.

Ввиду того что даже отдельное незначительное прошедшее событие или период могут обозначаться значительным множеством словоформ, отсылающих слушателя, погруженного в социально-политический контекст, к упомянутым событиям, поиск упоминаний прошлого осуществлялся автором вручную по принципу текстовой и логической близости (т.е. уточнялось, что фрагмент текста, отмечаемый как «прошлое», действительно имел связь с фрагментом текста, отмечаемым как «будущее») к «будущему» и в действительности являющимся таковым.

На первом этапе полученные таким образом данные были подвергнуты качественному контент-анализу. Кодирование осуществлялось в соответствии с индуктивной исследовательской стратегией. Автором выделялся ряд критериев для осуществления кодирования: 1) тема будущего – для преодоления какой неопределенности используется воображение будущего; 2) субъект будущего / прошлого – страна, для которой прогнозируется будущее / чье прошлое используется; 3) период прогноза (в случае наличия слова-идентификатора времени прогнозирования (например, завтра) указывалось данное слово, в ином случае – неопределенный период); 4) событие / период прошлого (в случае наличия прямого упоминания на событие / период прошлого (например, Великая Отечественная война) указывалось данное событие, в ином случае – даты, личности); 5) контекст – указывалась обсуждаемая тема / обсуждаемый законопроект или доклад; 6) оценка будущего / прошлого (положительная, нейтральная, отрицательная). После этого полученный список кодов был обобщен по принципам их схожести (минимальным пороговым значением является указание кода не менее 3 раз). В случае если выделяемые фрагменты текста содержали несколько кодируемых признаков, их кодирование осуществлялось последовательно. Выделяемые таким образом коды подсчитывались, что позволило сравнивать практику их использования. В результате, применительно к коду «тема будущего» был получен список из семи ключевых тем обсуждения, содержащих образы будущего (табл. 1).

Таблица 1

Темы, содержащие образы будущего, сопровождаемые репрезентациями событий прошлого в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)

Тема	Количество упоминаний	Положительные образы будущего	Отрицательные образы будущего	Нейтральные образы будущего
Международные отношения	48	11	7	30
Специальная военная операция	49	25	1	20
Наука, образование, просвещение	22	5	1	16
Экономика	21	6	1	14
Патриотическое воспитание	16	6	1	9
Международные санкции	13	4	7	7
Внутренние вопросы ¹	100	23	11	66
ИТОГО	269	80	29	162

На втором этапе методика дополнялась смысловым анализом высказываний, задачей которого была фиксация дискурсивных стратегий использования прошлого в качестве ресурса для воображения будущего. При этом под дискурсивной стратегией понимался «более или менее намеренный план дискурсивных практик, формируемых под влиянием габитуса и интернализированных диспозиций, применяемый для достижения определенных социальных, политических, психологических или лингвистических целей» (Kwon et al., 2014: 5). Основные дискурсивные стратегии, используемые в политическом дискурсе, как отмечает О.В. Захарова со ссылкой на Р. Водак, разделяются на пять типов (Захарова, 2016: 219): 1) номинализация, выражаясь в категоризации и конструировании «своей» референтной группы, т.е. той, с которой спикер соотносит себя и свою аудиторию, и противопоставляемой ей «чужой» группы; 2) предикация, которая подразумевает присваивание ярлыков, стереотипизацию, как негативную, так и позитивную, определенных социальных акторов; 3) перспективизация, т.е. характеристизация объекта, социального актора или группы с точки зрения спикера; 4) модификация эпистемического статуса высказывания, т.е. усиление или снижение интенсивности его побудительного заряда, указание со стороны спикера на то, как это высказывание следует воспринимать; 5) аргументирование, т.е. обоснование того или иного действия или позиции (Wodak, 2011: 73). Использование такого подхода позволило не только выявить и классифицировать основные способы апелляции к прошлому в контексте проектирования образов будущего, но и определить их специфические функции.

Дискурсивные стратегии использования прошлого как символического ресурса для воображения будущего в выступлениях депутатов Государственной Думы РФ VIII созыва

В результате исследования обращений к прошлому в дискурсе депутатов ГД РФ мы выделили шесть ключевых исторических периодов и событий прошлого (табл. 2). Дальнейшее обсуждение строится вокруг двух ключевых исторических периодов (1990-е годы и советская эпоха) и одного исторического события (Великая Отечественная война), апелляции к которым в контексте конструирования образов будущего встречаются в дискурсе депутатов наиболее часто.

¹ К данной теме относились многочисленные вопросы внутренней политики, рассматриваемые на заседаниях Государственной Думы, не выделяемые автором в отдельные темы в силу малочисленности обращений к ним по отдельности ($n < 10$).

Таблица 2

**События и периоды прошлого, используемые для воображения будущего
в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)**

Событие / период прошлого	Количество упоминаний	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Нейтральная оценка
1990-е годы	108	6	89	13
СССР	71	33	21	17
Великая Оте- чественная война	37	19	9	9
XXI век	24	3	13	8
Российская империя	8	2	3	3
История в целом	8	5	–	3
Другое	41	8	22	11
ИТОГО	297²	76	157	64

Апелляции к периоду 1990-х годов как символический ресурс для воображения будущего. Наиболее часто встречаемым периодом прошлого, используемым при представлении будущего в дискурсе депутатов ГД РФ, является период постсоветской России 1990-х годов, выступающий в качестве мощного предостережения и антипримера, от которого необходимо дистанцироваться в будущем. Негативный опыт используется для представления преимущественно нейтральных или положительных образов будущего России. Носителями прошлого, связанного с 1990-ми в речах депутатов, являются: Россия – 97 (90 %) упоминаний (из них: 1990-е как носитель положительного опыта – 4; отрицательного – 79; нейтрального – 14); Запад / США / Европа / Украина – 11 (10 %), причем все оценки являются отрицательными. При этом образы будущего, символическим ресурсом для аргументации которых используются 1990-е годы, носят преимущественно нейтральные оценки (нейтральные – 66; положительные – 25; отрицательные – 15). Среди субъектов такого будущего: Россия – 102 (94 %) упоминания (нейтральных образов будущего – 65; положительных – 26; отрицательных – 11); Запад / США / Европа / Украина – 6 (6 %) упоминаний (нейтральное – 1; положительное – 1; отрицательных – 4). Можно заключить, что 1990-е годы в контексте будущего России преимущественно используются в дискурсе депутатов как инструмент апелляции к негативному опыту для формирования устойчивых нейтральных по своей оценке образов будущего страны (например, представление будущего: «Уважаемые коллеги, давайте все-таки признаем, что любое решение, которое принимается, надо анализировать с точки зрения времени, в котором мы живем, и не обращать внимания на то, что страна столкнулась с вызовами и санкциями, неправильно»; презентация прошлого: «Мы с вами помним, как в 90-е годы все проблемы переложили на плечи населения, – сейчас об этом никто уже не хочет думать и даже вспоминать, пройдет время, вообще скажут, что там было замечательно. На самом деле это не так» (председатель ГД РФ В.В. Володин, 07.12.2022 г.)³. Таким образом, 1990-е годы в отечественном парламентском дискурсе представляются в качестве источника

² Отдельные закодированные фрагменты содержат сразу несколько упоминаний событий прошлого.

³ Стенограмма заседаний, 07.12.2022 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5966/> (Дата обращения: 05.05.2025).

отрицательного опыта. Прошлое выступает не как прямое указание, куда двигаться, а как предупреждение о том, чего следует избегать.

Период 1990-х годов преимущественно используется в дискурсе парламентариев при помощи стратегий предикации и аргументирования. Так, первая проявляется в присвоении периоду ярко негативных характеристик (например, «лихие», «смутные», «кriminalные» годы): «Вы – я обращаюсь к родителям – жили в 90-е годы, вы помните, какие страшные это были времена, были война и разруха. И вы очень хотели – и я вас понимаю, я сам отец, дед, – чтобы дети и внуки жили в мире, жили счастливо» (руководитель фракции «Справедливая Россия – за правду» С.М. Миронов, 28.09.2022 г.)⁴. В свою очередь, стратегия аргументирования применительно к данному периоду подчеркивает необходимость извлечения уроков из прошлого, избежания подобных сценариев в будущем: «Вообще, долгое время, особенно в 2000-е, в 1990-е, точнее в 1990-е, акцент сделаем на это? Мы были свидетелями одного постыдного процесса: мы отворачивались от науки, мы не занимались ею, наука была недофинансирана, и, самое главное, мы забирали полномочия и возможности у российской науки. <...> Сегодня же в условиях не только импортозамещения, но, по большому счету, конкуренции идей, мнений, позиций мы возвращаем нашей науке те возможности и, безусловно, создаем все условия для того, чтобы и фундаментальная наука, и прикладная наука в нашей стране развивались» (заместитель Председателя ГД РФ Б.А. Чернышов, 01.02.2024 г.)⁵.

Образы будущего, сформированные при помощи обращения к периоду девяностых как символического ресурса, представляются в качестве желаемых через идею преодоления ошибок и кризисов данного исторического периода. Аналогичные практики использования дискурсивных презентаций данного исторического периода наблюдаются в исследованиях отечественных ученых. Например, О.Ю. Малинова отмечает, что, период 1990-х годов использовался В.В. Путиным в 2000-х годах в качестве примера неэффективности и нестабильности для обоснования политики и представления ее как способа достижения стабильности и процветания в России (Малинова, 2018: 64–65). Наше исследование дискурса депутатов ГД РФ приходит к согласующемуся выводу: данный период используется для формирования представлений о будущем, которое, будучи противопоставленным хаосу прошлого, видится как стабильное и предсказуемое, даже если его конкретные очертания остаются нейтральными (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение событий и периодов прошлого и тональности конструируемых образов будущего в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)

Событие / период прошлого	Положительные образы будущего	Отрицательные образы будущего	Нейтральные образы будущего
1990-е годы	27	15	66
СССР	19	5	47
Великая Отечественная война	15	–	22
XXI век	9	1	14
Российская империя	3	–	5
История в целом	5	1	2
Другое	12	4	25
ИТОГО	75	41	181

Апелляции к событиям советского периода как символический ресурс для воображения будущего. Вторым по количеству использований в дискурсе депутатов ГД РФ в контексте представления будущего является исторический период, относящийся к Советскому Союзу (за исключением Великой Отечественной войны, поскольку мы выделяем ее в качестве отдельного события, использующегося для представления будущего). Советское прошлое выполняет роль ключевого позитивного символического ресурса для конструирования образов будущего в дискурсе депутатов. Домини-

⁴ Стенограмма заседаний, 06.12.2022 [Электронный ресурс], *Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5909/> (Дата обращения: 05.05.2025).

⁵ Там же.

рующим объектом будущего в данном случае является Россия – 67 (94 %) упоминаний (нейтральные – 47; положительные – 17; отрицательные – 3); Запад / США / Европа / Украина – 4 (6 %) упоминаний (положительные – 2; отрицательные – 2). Можно наблюдать, что преимущественно положительный опыт Советского Союза в выступлениях депутатов используется для формирования нейтральных по оценке образов будущего страны (например, представление будущего: «Я считаю, что мы обязаны учиться у Ильича тому, как можно спасать государственность страны в чрезвычайных условиях»; презентация прошлого: «Советская власть в течение двух месяцев мирно, бескровно была установлена фактически во всех 100 крупных городах...» (руководитель фракции КПРФ в ГД РФ Г.А. Зюганов, 23.01.2024 г.)⁶. Положительные образы будущего России в 2/3 случаев (будучи связанными с СССР) опираются именно на положительно оцениваемый опыт Советского союза: «Мы должны... защитить наших новых соотечественников, восстановить разрушенные города и заводы, придать новый импульс развитию страны и широкими шагами идти вперед»; презентация прошлого: «Но сделать все это можно, только опираясь на опыт великого Советского Союза» (депутат ГД РФ Ю.В. Афонин, 06.12.2022 г.)⁷. В отличие от доминирующего негативного ориентира – 1990-х годов, советский период получает в дискурсе депутатов преимущественно положительную оценку. Это позволяет использовать его как модель для частичного заимствования и восстановления преемственности. Несмотря на положительную оценку самого исторического периода, он чаще всего используется для аргументации нейтральных по тональности образов будущего. Основная функция в данном случае не столько создать идеализированное представление о будущем, сколько обосновать устойчивость, стабильность и преемственность развития страны, опираясь на проверенные исторические практики.

Советское прошлое в парламентском дискурсе в основном применяется для формирования образов будущего при помощи стратегий перспективизации и аргументирования. Так, первая выражается в выборочном выделении положительных аспектов советского опыта (например, индустриализация, социальные гарантии, великие стройки): «Особо значимой мы считаем работу по обобщению советского социального опыта, широкое использование которого становится сейчас, без преувеличения, условием выживания нашей страны» (депутат ГД РФ Ю.В. Афонин, 06.12.2022 г.)⁸. В то же время стратегия аргументирования встречается в высказываниях, предполагающих использование опыта СССР как модели для частичного заимствования: «В XX веке мы в СССР приспосабливали под мирные нужды самые разные военные разработки: нержавеющую сталь, застежки-молнии, банки крови. <...> Такой опыт был в СССР, нужно и сейчас двигаться синхронно оборонному комплексу и всей остальной промышленности, взаимно обогащая друг друга, потому что, если мы не будем развиваться, мы безнадежно отстанем» (депутат ГД РФ Р.Б. Чемерис, 26.10.2023 г.)⁹. Обращение к советскому периоду является дискурсивным инструментом, направленным на легитимацию текущего и будущего курса страны через апелляцию к позитивным аспектам общего исторического прошлого. Такой опыт используется в качестве доказательства преемственности современного политического курса, что позволяет представлять будущее России как государства, уверенно опирающегося на собственную историю.

Апелляции к Великой Отечественной войне как символическому ресурсу для воображения будущего. Мы выделяем Великую Отечественную войну (ВОв) из периода Советского Союза в качестве самостоятельного события в связи с тем, что с 2000-х годов тема Победы активно используется в политических целях, а ее символический репертуар подвергается расширению за счет появления новых смысловых функций (Малинова, 2013: 180). Исследование использования ВОв в дискурсе депутатов ГД РФ позволяет сделать вывод об уникальной функции данного события в конструировании образов будущего: в отличие от других исторических периодов, презентации войны выступают не просто как символический ресурс, а как краеугольный камень национальной идентичности для будущих поколений. Основная функция обращения к нему не спроектировать конкретные события прошлого на будущее, а аргументировать необходимость преемственности ценностей: патриотизма и защиты национальных интересов. Будущее в данном случае представляется как прямое продолжение подвига предков. Д. Хлевнюк и др., исследовавшие нарративы российских государственных СМИ, предлагают описывать такое использование памяти о Великой Отечественной войне как временную

⁶ Стенограмма заседаний, 20.03.2024 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/6295/> (Дата обращения: 05.05.2025).

⁷ Стенограмма заседаний, 06.12.2022 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5964/> (Дата обращения: 05.05.2025).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

структурой, предполагающую непрерывность, связывающую эпохи в логике причинности и наследственности (Khlevniuk et al., 2024: 10). Опыт войны преимущественно используется для представления будущего России – 34 (91 %; из них нейтральные – 21; положительные – 13). Примечательно, что нам не удалось обнаружить конструкций, использующих опыт войны для формирования негативных образов будущего, т.е. это единственный период из выделенных, который никогда не используется в этих целях. Представляя таким способом будущее, депутаты подчеркивают преемственность прошлого и будущего: «Важно сделать так, чтобы здесь жили наши дети, внуки, правнуки, все будущие поколения нашей России, чтобы они любили ее, были патриотами России, и к этому нас призывает и завтрашний день – день начала Великой Отечественной войны, к этому нас призывает память и скорбь наших великих предков» (первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» В.С. Макаров, 21.06.2022 г.)¹⁰. Так, данное историческое событие используется как универсальный символ, транслирующий идеи единства, устойчивости и исторической правды. Обращения к данному историческому событию в дискурсе депутатов ГД РФ направлены не столько на описание желаемого состояния общества, сколько на формирование идентичности и системы ценностей, которые должны лежать в основе этого будущего.

Великая Отечественная война в дискурсе депутатов характеризуется наиболее сбалансированным распределением стратегий, с некоторым преобладанием аргументирования и номинализации. Последняя выражается в создании в дискурсе сакральной категории «Великая Победа» и противопоставлении «наших» («победителей», «освободителей») и «чужих» («фашистов», «нацистов»): «Мы с вами видим, что происходит на Украине, – фашизм поднял голову, неонацизм. И события сегодняшнего дня во многом результат того, что кто-то не сделал выводы из истории Второй мировой войны. Огромные жертвы – по вине Вашингтона, Брюсселя и киевского преступного режима. <...> Сегодня, так же как в 1941-м, наши солдаты и офицеры спасают мир от нацизма, борются с коричневой чумой, только уже XXI века...» (депутат ГД РФ Н.В. Новичков, 05.12.2023 г.)¹¹. Таким образом, номинализация в данном случае используется для формирования системы ценностей и национальной идентичности.

Необходимо также кратко отметить, что стратегия модифицирования эпистемического статуса высказываний не получила широкого распространения (табл. 4) среди рассмотренных примеров, однако, как можно заметить, она также наиболее характерна для темы Великой Отечественной войны. Так, она проявляется в использовании усиленных конструкций (например, никогда не забудем, навсегда запомним), придающих высказываниям характер морального императива, не подлежащего сомнению.

Таблица 4

Дискурсивные стратегии использования прошлого как символического ресурса для воображения будущего в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)

Дискурсивная стратегия	Событие / период прошлого							ИТОГО
	<i>1990-е годы</i>	<i>СССР</i>	<i>ВОв</i>	<i>XXI век</i>	<i>Российская империя</i>	<i>История в целом</i>	<i>Другое</i>	
Аргументирование	32	19	6	9	3	2	7	88
Перспективизация	20	25	9	1	1	3	3	62
Предикация	34	10	6	–	–	3	4	57
Номинализация	13	4	9	2	1	–	5	34
Модифицирование эпистемического статуса высказывания	3	3	6	2	3	–	8	25
ИТОГО	102	61	6	4	8	8	7	266

Выводы

Исследование демонстрирует, что два ключевых исторических периода и историческое событие – 1990-е годы, советская эпоха и Великая Отечественная война – выполняют различные, но взаимодополняющие функции в парламентском дискурсе как символические ресурсы для конструирова-

¹⁰ Стенограмма заседаний, 06.12.2022 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5862/> (Дата обращения: 05.05.2025).

¹¹ Там же.

ния образов будущего. 1990-е годы выступают в качестве доминирующего негативного ориентира, служащего противопоставлением по отношению к будущему. Этот период используется преимущественно для формирования нейтральных образов будущего России через демонстрацию необходимости избежания ошибок прошлого. Дискурс дистанцирования от «хаоса 1990-х годов» позволяет конструировать образ стабильного и предсказуемого будущего. Советский период выполняет роль позитивного символического ресурса, обеспечивающего преемственность исторического развития. Несмотря на преимущественно положительную оценку этого периода, он используется для аргументации нейтральных образов будущего, что выражается в его роли обоснования устойчивости и стабильности развития как идеализированной реконструкции прошлого. Великая Отечественная война занимает особое сакральное положение в парламентском дискурсе. Обращение к опыту войны направлено на формирование системы ценностей и национальной идентичности, которые должны лежать в основе будущего России.

В то же время мы фиксируем, что использование данных периодов для конструирования образов будущего в дискурсе депутатов ГД РФ идет вразрез с традиционным тематическим репертуаром политики памяти властующих элит. Так, исследователи отмечают, что репертуар официальной политики памяти в России как на федеральном, так и на региональном уровнях фокусируется на событиях и фигурах советского периода, с упором на Великую Отечественную войну (Политика памяти в России..., 2023: 471). Именно память о войне, как подчеркивает О.Ю. Малинова, оказывается наиболее «пригодным» для политического использования элементом коллективного прошлого (Малинова, 2015: 25).

Наше исследование приходит к выводу о том, что наиболее часто используемым для представления будущего является период 1990-х годов. Мы связываем это наблюдение с отмечаемым Т.А. Нестиком высоким уровнем воспринимаемой обществом неопределенности, связанным с контекстом специальной военной операции, современных отечественных политических процессов (Нестик, 2023: 14). Мы соглашаемся с Е.Б. Шестопал в том, что процесс конструирования будущего относится к функциональным обязанностям политической элиты государства (Шестопал, 2016: 9), а также учитываем, что в условиях кризисов возрастает поддержка политиков, предлагающих стратегии, которые, по их же словам, способны снизить неопределенность и вернуть стабильность (White, 2019: 14). В этом контексте именно 1990-е годы в дискурсе депутатов ГД РФ выступают в качестве «наиболее удобного инструмента», символического ресурса, используемого для конструирования образов будущего и преодоления его неопределенности. Учитывая преимущественно отрицательную оценку самого периода, а также отмечаемую нами высокую роль предикции как дискурсивной стратегии его использования для представления будущего, мы полагаем, что такой инструмент не требует от депутатов детальной концептуализации конструируемых образов будущего (что, как мы отметили, само по себе является нетривиальной задачей), а предполагает осмысление будущего как «не девяностых».

При этом мы отмечаем, что в целом в дискурсе депутатов доминирующей дискурсивной стратегией использования событий прошлого для обсуждения образов будущего России является аргументирование. Это свидетельствует о том, что апелляция к прошлому в контексте обсуждения будущего во многом остается продуманной тактикой обоснования конкретных политических решений и курсов. В свою очередь, сам выбор доминирующей дискурсивной стратегии напрямую зависит как от целей, которые должен выполнять конкретный образ будущего, так и от используемых в качестве опоры на социальный опыт исторических периодов или событий. Вместе с тем важно учитывать, что дискурс может сочетать в себе различные стратегии, и такая идентификация возможна лишь при его аналитической деконструкции, что в контексте настоящей работы служит поводом для дальнейших исследований данной проблематики.

Список литературы / References

- Гаврилюк, Т. В. (2016) ‘Понятие «образ будущего» в категориальном поле феноменологической психологии’, *Общество: социология, психология, педагогика*, 5. [Gavriluk, T.V. (2016) ‘The “image of the future” concept in the categorical field of the phenomenological psychology’ [Ponyatiye «obraz budushchego» v kategorial'nom pole fenomenologicheskoi psichologii], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 5. (In Russ.)].
- Захарова, О. В. (2016) ‘Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе’, *Политическая наука*, 3, сс. 217–235. [Zakharova, O. V. (2016) ‘Identification and analysis of topoi (argumentative schemes) in political discourse’ [Identifikatsiya i analiz

- toposov (argumentatsionnykh skhem) v politicheskem diskurse], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 217–235. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2015) ‘Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг.’, *Россия и современный мир*, 2(87), сс. 6–29. [Malinova, O. Yu. (2015) ‘The Great Patriotic War as a Symbolic Resource: The Evolution of the Official Rhetoric 2000–2010’ [Velikaya Otechestvennaya voyna kak simvolicheskii resurs: evolyutsiya otobrazheniya v ofitsial'noi ritorike 2000–2010-kh gg.], *Rossiya i sovremennyi mir*, 2(87), pp. 6–29. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) ‘Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о "лихих девяностых"’, *Политическая наука*, 3, сс. 45–69. DOI: 10.31249/poln/2018.03.03 [Malinova, O. Yu. (2018) ‘Justifying the political course of the 2000 s and constructing the myth about "the hard nineties" in the Vladimir Putin's discourse’ [Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V. V. Putina i formirovanie mifa o "likhikh devyanostykh"], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 45–69. DOI: 10.31249/poln/2018.03.03 (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2012) ‘Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России’, *POLITЭКС*, 4, сс. 179–204. [Malinova, O. Yu. (2012) ‘Political Usage of the Past as a Tool of Symbolic Policy: The Evolution of a Discourse of the Governing Elite in Post-Soviet Russia’ [Politicheskoe ispol'zovanie proshloga kak instrument simvolicheskoi politiki: evolyutsiya diskursa vlastvuyushchei elity v postsovetskoi Rossii], *POLITEKS*, 4, pp. 179–204. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2013) ‘Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты’, *Прошлый век*, 1, сс. 158–186. [Malinova, O. Yu. (2013) ‘The political usage of the symbol of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia: Evolution of the ruling elite discourse’ [Politicheskoe ispol'zovanie simvola Velikoi Otechestvennoi voiny v postsovetskoi Rossii: Evolyutsiya diskursa vlastvuyushchei elity], *Proshlyi vek*, 1, pp. 158–186. (In Russ.)].
- Назукина, М. В., Сулимов, К. А. (2021) ‘К измерению образа будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы (на примере территориально-политических представлений)’, *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (1), сс. 1–18. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18 [Nazukina, M. V., Sulimov, K. A. (2021) ‘On measuring the image of the future in the discourse of the Russian State Duma deputies (as based on territorial-political representations)’ [K izmereniyu obrazu budushchego v diskurse deputatov Gosudarstvennoi Dumy (na primere territorial'no-politicheskikh predstavlenii)], *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 13 (1), pp. 1–18. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18 (In Russ.)]
- Нестик, Т. А. (2023) ‘Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований’, *Социальная психология и общество*, 14 (4), сс. 5–22. DOI: 10.17759/sps.202314040 [Nestik, T. A. (2023) ‘The influence of military conflicts on the psychological state’ [Vliyanie voennykh konfliktov na psihologicheskoe sostoyanie obshchestva: perspektivnye napravleniya issledovanii], *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo*, 14 (4), pp. 5–22. DOI: 10.17759/sps.202314040 (In Russ.)].
- Миллер, А. И., Малинова, О. Ю., Ефременко, Д. В. (ред.) (2023) *Политика памяти в России – региональное измерение: монография*. РАН. ИНИОН. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 471 с. DOI: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00 [Miller, A. I., Malinova, O. Yu., Efremenko, D. V. (eds.) (2023) *Memory politics in Russia – regional dimension: monograph* [Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie: monografiya]. RAS. INION. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, 471 p. DOI: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00 (In Russ.)].
- Шестопал, Е. Б. (2016) ‘Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития’, *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2, сс. 7–20. [Shestopal, E. B. (2016) ‘Images of the future in Rus-

- sian society as a factor in political development' [Образ будущего в сознании российского общества как фактор политического развития], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2, pp. 7–20. (In Russ.)]
- Щербинин, А. И., Щербинина, Н. Г. (2020) 'Политическое конструирование образа будущего', *Вестник Томского государственного университета, Философия. Социология. Политология*, 56, сс. 285–299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 [Shcherbinin, A. I., Shcherbinina, N. G. (2020) 'Political construction of the image of the future' [Politicheskoe konstruirovaniye obrazu budushchego], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 56, pp. 285–299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 (In Russ.)].
- Щербинина, Н. Г. (2010) 'Политический образ и имидж: соотношение понятий', *Политический маркетинг*, 4 (145), сс. 71–78. [Shcherbinina, N. G. (2010) 'Political image and image: correlation of concepts'
- [Politicheskii obraz i imidzh: sootnoshenie ponyatiy], *Politicheskii marketing*, 4 (145), pp. 71–78. (In Russ.)].
- Bourdieu, P. (1998) *Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time*. New York: Polity Press, 109 p.
- Dunmire, P. L. (2011) *Projecting the future through political discourse: the case of the Bush doctrine*. John Benjamins, 218 p.
- Khlevniuk, D., GN, & Noordenbos, B. (2024) 'The temporality of memory politics: An analysis of Russian state media narratives on the war in Ukraine', *The British Journal of Sociology*, pp. 1–17. DOI: 10.1111/1468-4446.13171
- Kwon W., Clarke I., Wodak R. (2014) 'Micro-level discursive strategies for constructing shared views around strategic issues in team meetings', *Journal of management studies*, 51(2), pp. 265–290. DOI: 10.1111/joms.12036
- White, J. (2019) *Politics of Last Resort: Governing by Emergency in the European Union*. Oxford University Press. 229 p.
- Wodak, R. (ed.) (2011) *The discourse-historical approach Critical discourse analysis: Concepts, history, theory*. Sage. pp. 63–93.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025
Статья принята к печати: 30.10.2025

**THE PAST AS A SYMBOLIC RESOURCE FOR IMAGINING THE FUTURE:
BASED ON SPEECHES BY DEPUTIES OF THE STATE DUMA
OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE VIII CONVOCATION**

A. Kurbatov

Andrei Kurbatov, Ph.D. Student, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: avkurbatov@hse.ru (ORCID: 0009-0001-1211-1854. ResearcherID: JMP-4901-2023).

Abstract

Although the future is central to public political communication, its articulation is hindered by fundamental uncertainty, intensified by the special military operation. Despite these conditions, politicians must still speak about the future; analyzing how State Duma deputies construct such images reveals both the possibilities and the limits of using the past as a symbolic resource. The study uses transcripts of plenary sessions of the VIII State Duma (2nd–7th sessions) as empirical data, which are analyzed through qualitative content and semantic analysis to identify discursive strategies employing the past to imagine the future. The study concludes that the 1990s, the Soviet era, and the Great Patriotic War perform different but complementary functions in parliamentary discourse, acting as symbolic resources used to construct images of the future. It should be noted that the practices of using the past in the discourse of deputies run counter to the traditional thematic repertoire of the politics of memory of the ruling elites in Russia. The 1990s period in the discourse of deputies acts as the «most convenient tool» used to construct images of the future and overcome its uncertainty in the modern context.

Keywords: image of the future; symbolic politics; political use of the past; political construction of the future; State Duma; discursive strategies.